

В конечном счете они вернулись в главный двор рука об руку. Вновь оказавшись в имении, Сяо Чжигэ позвал Ху Шифэя, чтобы подробнее расспросить его об операции по извлечению ребенка из чрева. Пусть Ху Шифэй временами и вел себя несерьезно, в действительно важных делах на него всегда можно было положиться. Он дважды внимательно изучил рукопись от корки до корки, задал несколько вопросов госпоже Го и составил полное представление о предстоящем деле. Объяснял он всё четко и толково, заверив, что успех гарантирован по меньшей мере на восемьдесят процентов.

Прежде лекарь уже говорил нечто подобное, но тогда Сяо Чжигэ был настолько ошеломлен и сбит с толку самими словами «извлечение ребенка из чрева», что просто не в силах был слушать. Теперь же, когда Ху Шифэй вновь разложил всё по полочкам и привел примеры тяжелых случаев из прошлого, в которых требовалось подобное вмешательство, выражение лица князя наконец слегка смягчилось. И хотя на нем всё еще лежала тень тревоги, по крайней мере он больше не отказывался наотрез.

Убедив Сяо Чжигэ, Ху Шифэй снова проверил пульс Ань Чанцина, убедился, что всё в порядке, неумолчно зачитал длинный список предосторожностей и лишь после этого покинул поместье генерала.

Ань Чанцин находился уже на пятом месяце беременности. Живот пока не выделялся, но другие признаки проявлялись все отчетливее: отменный аппетит, сонливость, непереносимость жары... Благодаря ежедневному уходу и сытной еде живот так и не вырос, зато сам он заметно округлился, и на прежде худых щеках появился легкий румянец и полнота.

— Лекарь Ху сказал, что риск невелик, просто рана после разреза будет большой и потребуются время на восстановление. Князь теперь спокойнее? — Ань Чанцин подался вперед, обнял пальцами его щеки и с усилием потянул вверх, настойчиво придавая его лицу подобие улыбки.

Поскольку посторонних рядом не было, он скинул верхнее платье и обувь и теперь сидел на постели в одной лишь шелковой исподней рубашке, поджав под себя ноги. Длинные волосы раскинулись по плечам, придавая ему невольное, соблазнительное очарование. Сам он этого ничуть не замечал и лишь забавно кривлялся, пытаясь развеселить Сяо Чжигэ.

Уступив его стараниям и наконец улыбнувшись, Сяо Чжигэ поправил растрепавшийся ворот его рубашки и серьезно произнес:

— На днях я попрошу у Ху Шифэя немного рыбьих пузырей.

Раньше он не знал об особой телесной природе Ань Чанцина, но теперь, когда всё прояснилось, ему хоть и пришлось смириться с неизбежным испытанием в этот раз, допустить подобное снова Сяо Чжигэ не намеревался.

Ань Чанцин не ожидал, что тот заговорит о таком среди бела дня. Залившись краской, он убрал руки от его лица и пробормотал под нос:

— Хочешь — бери, мне-то зачем говорить?

С этими словами он натянул мягкие туфли и ушел на кушетку у окна читать книгу.

Сяо Чжигэ с растущей нежностью в глазах смотрел на его смутный силуэт за бамбуковой шторой.

\*\*\*

Торговый караван Чжоу Хэланя не стал сразу возвращаться на юг.

Он проделал путь из Гуанъяна, что в Цинчжоу, через Динъянь в Юйчжоу и Сучжоу, пока наконец не добрался до Яньчжоу. Отправляясь в дорогу, помимо батата из Юйцзэ, он закупил множество модных на юге безделушек, отдавая предпочтение изящным украшениям и румянам. Продавая их по пути и пополняя запасы при первой возможности, к прибытию в Яньчжоу он успел скопить немалую прибыль. Кроме того, он отложил множество диковинок в подарок Ань Чанцину и его близким.

Дюжину телег с бататом уже увезли, а стражники каравана получили щедрое вознаграждение и, будучи пока свободными от дел, отправились прогуляться и сделать покупки в городе. Сам Чжоу Хэлань остановился в поместье генерала. Сейчас он открыл привезенные сундуки и предложил Ань Чанцину выбрать всё, что понравится.

Ань Чанцин никогда не бывал на юге, так что у него просто глаза разбегались от южных диковинок. Он как раз разглядывал деревянную птицу, способную летать, когда Чжоу Хэлань подошел с еще более изысканным ларчиком:

— Это ароматные бальзамы и румяна для женщин, закупленные в лучших лавках на юге. Я специально приберег один ларец для госпожи Юй и барышни. — С этими словами он указал на другой сундук: — А здесь модные южные ткани, они тоже предназначаются для вашей матушки и сестры.

Ань Чанцин был тронут. Отложив деревянную птичку, он поглядел на него с легким любопытством:

— Хэлань, ты очень внимателен. Твоя матушка еще не полностью оправилась от болезни, ей противопоказана долгая дорога, потому она и не поехала с тобой в Яньчжоу?

Чжоу Хэлань кивнул:

— Да, матушка писала мне об этом в письме.

— А не упоминала ли она в письме о твоей женитьбе? — сменил тему Ань Чанцин и улыбнулся. — Перед самым отъездом в Яньчжоу госпожа Чжоу просила матушку передать тебе: если встретишь девушку по душе, обязательно напиши ей, и она пойдет засылать сватов.

— Нет, — Чжоу Хэлань опустил взор, сохраняя бесстрастное выражение лица. — Мужчине следует сначала добиться успеха, а уж затем создавать семью. Я еще ничего не достиг, о каком браке может идти речь? Даже если найдется та, кто не станет мной пренебрегать, я и сам боюсь обидеть её неопределенностью.

Не заметив на его лице никаких чувств, Ань Чанцин решил, что попросту оступился в своих догадках, и не стал расспрашивать дальше:

— Что ж, если в будущем тебе приглянется какая-нибудь девушка, а твоей матушки не окажется в Яньчжоу, можешь попросить мою маму сосватать её от твоего имени.

Чжоу Хэлань склонил голову в знак благодарности, после чего взял счетные книги и отправился к Сяо Чжигэ докладывать о делах, связанных с торговлей необработанным фэйцуем. Ань Чанцин немного подумал, взял деревянный ларец и велел слугам отнести ткани в

покои госпожи Юй.

Госпожа Юй и Ань Сяньйой по-прежнему жили в одном дворе. На досуге мать и дочь выходили прогуляться в сопровождении стражи, но чаще оставались дома, читали или занимались рукоделием. Когда Ань Чанцин пришел к ним, госпожа Юй и Ань Сяньйой как раз вышивали узоры по наброскам.

Увидев сына, госпожа Юй отложила шитье и пошла навстречу, заботливо всматриваясь в его лицо. Ань Сяньйой же поспешно приняла у него из рук ларец, отставила в сторону и лукаво подмигнула:

— Тебе сейчас совсем нельзя переутомляться!

Ань Чанцин легенько щелкнул её по лбу:

— Шалунья.

С этими словами он велел слугам занести сундуки в комнату, после чего они уселись беседовать втроем.

— Хэлань привез в Яньчжоу много тканей, румян и ароматных бальзамов. Всё это отложено специально для вас, вот я и решил занести, раз выдалась свободная минутка, — Ань Чанцин указал на ларец и сундуки.

Госпожа Юй открыла ларец: внутри действительно стояли разнообразные изящные фарфоровые баночки. В них оказались нежнейшие притирания и румяна. Бальзамы источали разнообразные цветочные ароматы, а румяна поражали изобилием оттенков — от сдержанных темных, подходящих зрелым женщинам вроде госпожи Юй, до нежных и кокетливых светлых, созданных для незамужних девушек. С первого взгляда было видно, что подарок выбирался с особым старанием.

Ань Сяньйой, будучи молодой девушкой, с живым любопытством рассматривала незнакомые притирания и румяна. Она разглядывала баночки, вдыхала ароматы и выглядела совершенно счастливой. Ань Чанцина внезапно осенила мысль, и он произнес:

— Юй-эр уже взрослая. Не пора ли подумать о новой помолвке?

Госпожа Юй взглянула на заметно оживившуюся младшую дочь и со вздохом произнесла:

— В Ецзине к нам приходили свахи, да только все они искали выгоды из-за твоего влияния и могущества князя. Я всем отказала. По-настоящему достойные семьи едва ли посчитают хорошей партией дочь такой матери, как я.

Она так долго прожила с Ань Сяньйой в поместье за пределами Ецзиня, и хотя открыто об этом не говорилось, многие семьи догадывались, что Ань Чанцин был в ладах далеко не со всем семейством и забрал из дома лишь мать и сестру. Хотя из уважения к поместью Бэйчжань-вана никто не смел распускать дурные слухи, знатные и достойные роды не спешили засылать сватов. Так помолвка Ань Сяньйой и затянулась.

Ань Чанцин, впрочем, думал иначе. В народе говорили, что дочь следует выдавать замуж в семью выше статусом, а невестку брать из семьи скромнее, но Ань Чанцин никогда не стремился найти для Ань Сяньйой знатного жениха. В прошлой жизни она действительно вышла замуж за человека высокого положения, но когда её начали обижать, Ань Чанцин даже

не смог за неё заступиться. В этой жизни он не желал для неё богатства и знатности — лишь бы рядом был любящий человек, способный защитить её и подарить мирную, счастливую жизнь.

— На самом деле вовсе не обязательно искать жениха в Ецзине, — неторопливо проговорил Ань Чанцин. — Тот заместитель генерала Ци, который приходил к нам прошлый раз, весьма неплах...

Госпожа Юй помнила Ци Вэя. Она ненадолго задумалась и кивнула:

— Тот заместитель генерала Ци весьма статен, говорит и поступает рассудительно. Действительно славный юноша.

Ань Чанцин с лукавством поглядел на Ань Сяньюй:

— Юй-эр, а ты что думаешь?

Ань Сяньюй опустила глаза на баночку с румянами, поджала губы и тихо пробормотала:

— Да он просто притворяется!

Какая еще «рассудительность и воспитанность»? Во время обеда он только и делал, что глазел на нее, не отводя глаз. Чистейшей воды легкомыслие!

Немного помявшись, она всё же набралась храбрости и добавила:

— Я не хочу выходить замуж так рано. — С этими словами она с надеждой посмотрела на Ань Чанцина: — В прошлый раз, когда я выходила в город, я увидела объявление властей о том, что открывается Женская школа. Я хочу пойти туда преподавать.

От автора:

Трусишка: Надо велеть Ху Шифэю приготовить побольше рыбьих пузырей, а не то не хватит.

—————

P. S. В древности рыбы пузыри использовали в качестве презервативов.

Женскую школу предложил открыть Ань Чанцин. Яньчжоу находился на границе и годами подвергался набегам Бэйди, отчего местный народ отличался суровым и храбрым нравом. В минуты опасности даже женщины не боялись выходить на бой с кухонными ножами в руках. В истории Яньчжоу было немало героинь, ничуть не уступавших мужчинам в борьбе с Бэйди.

<http://bllate.org/book/18381/1767842>